

Мэн Энь, наконец, немного окреп и смог принять ванну.

Врач заверил, что с руками всё в порядке, но одна нога всё ещё беспокоит. По его словам, в будущем нога может побаливать в плохую погоду. Это можно будет облегчить массажем стоп.

Раньше Хань Чунъюаню больше всего нравился массаж ног, который делал Мэн Энь. Движения его рук глубоко погружали в нирвану. А теперь он сам усердно тренировался, чтобы научиться правильно делать массаж своему мелкому.

Нужно было аккуратно массировать травмированную ногу, да и вообще надо быть осторожным. Эти его руки-веточки. Казалось, надавишь сильнее, и они переломятся... Его драгоценный малыш.

— Мои волосы просто ужасные, — сказал Мэн Энь, наблюдая за тем, как Хань Чунъюань массирует его ноги, и улыбнулся: — Наконец-то я могу принять ванну.

— Я искупаю тебя позже, — Хань Чунъюань закончил массаж и затем стал обрачивать повреждённую ногу полиэтиленовой плёнкой, чтобы не намочить. Тогда, в прошлой жизни, Мэн Энь купал его, а теперь он может купать мелкого. В общем-то неплохо!

Глядя на больную ногу Эня, Хань Чунъюань почувствовал, что затылок его снова похолодел от жалости.

— Искупаешь меня? Я к этому не привык, Чунъюань, — засмутился Мэн Энь.

— Тогда побыстрее привыкай, — сердито глянул на него Чунъюань и поднял на руки.

Но Мэн Энь всё равно смущался и краснел — он совершенно не мог привыкнуть, что его купает Хань Чунъюань.

— Когда поправишься... — голос Чунъюаня стал немного хриплым. Он сделал несколько глубоких вдохов и не стал продолжать мысль.

У него самого лишь сломано ребро и неглубокий порез. Это не самые сложные травмы, но у Мэн Эня распухли руки и ноги — это выглядело отвратно. Хорошо, что уже сейчас отёки спали.

Хань Чунъюань сам забрался в ванну вместе с Энем. Он усадил младшего спиной к себе и уложил его голову себе на колени. Нанёс побольше шампуня и тщательно промыл волосы. Хань Чунъюань действовал неторопливо, желая, чтобы жизнь всегда оставалась такой. Улыбнувшись, он выдавил на волосы Эня новую порцию шампуня.

Однако сам Энь нервничал. Он хотел, чтобы поскорее всё закончилось. И эта мягкость и

нежность старшего его нервировала. После купания Чунъюань перенёс Эня снова в постель, но тут позвонила мама и сказала, что отец Хань Шэнь попросил о встрече с сыном.

Сейчас Хань Чунъюань с Энем всё так же жили в больнице, поэтому и встречаться пришлось там же. Отец ехал один, без Хань Гуантао.

В последнее время Хань Чунъюань не разрешал никому постороннему видеться с Мэн Энем, поэтому для разговора с отцом ушёл в другую, пустую палату.

— Что ты здесь снова делаешь? — Хань Чунъюань равнодушно смотрел на отца, зашедшего внутрь. Этот человек давно его разочаровал, но никак не хотел исчезать из жизни Чунъюаня.

— Чунъюань, прости. Папа не знал, что Хань Синьмяо захочет тебя убить, прости, сынок, — негромко произнёс мужчина, глядя на сына красными от усталости и нервов глазами. Последние дни он не мог спать, думаю обо всём произошедшем.

Его семья всегда была богата, сколько он себя помнил. Старший брат во всём был лучше, поэтому дома Шэня никто всерьёз не воспринимал. А потом появилась Цзянь Мо.

В то время он понимал разницу между собой и братом, но не принимал её. Прекрасно зная, что компания достанется в будущем брату, а он сам получит лишь 5-10 процентов акций, Шэнь набрался смелости и взбунтовался против родителей. И победил их. И даже основал свой бизнес.

Но старшего брата, надежды семьи, не стало. И родители вернули его домой.

В тот момент он просто горел желанием доказать своим родителям, что он ничуть не хуже старшего брата. Поэтому без колебаний вернулся в Пекин.

Он делал всё возможное для семьи Хань, бешено работал, развивая корпорацию. Всё, что он делал, было направлено только на то, чтобы доказать родителям, что он не хуже покойного брата. Он хотел показать им свою лучшую сторону, поэтому даже не планировал унаследовать группу компаний семьи. Он думал о племяннике, и был готов отдать всю корпорацию Хань в его руки.

У него была уверенность в себе, потому что их бизнес с Цзянь Мо хорошо развивался, и со временем стал даже больше корпорации Хань.

Но с течением времени всё изменилось... Именно из-за идиотских желаний родителей он оказался там, где оказался. Он предпочитал чужого ребёнка, забывая о своём.

— Что ты пытаешься сказать? Я не приму извинений и не собираюсь смягчать приговор Хань Синьмяо.

Отец опустил плечи и смотрел в пол:

— Я не это имел в виду. Он хотел убить тебя. Может его даже приговорят к смертной казни, то это только его заслуга. Просто хочу извиниться перед тобой. Перед тобой и твоей мамой! Я так виноват, сын...

— Бывает, — равнодушно сказал Хань Чуньюань. Он видел, что отец действительно искренне раскаивается, но было уже слишком поздно что-то менять. Этот человек уже был ему не интересен.

Хотя какое-то странное удовольствие Хань Чуньюань получал, наблюдая за страданиями отца. Ему даже захотелось всё немного усугубить:

— Если ты и правда сожалеешь, то у меня есть ещё кое-что...

— Что это? Скажи прямо, — Хань Шэнь несмело улыбнулся.

— Возможно, ты знаешь, что Цюй Цзиньюй тебя очень любила? Из-за статуса и денег она выбрала моего дядю, твоего старшего брата. Но из-за этого вынужденного поступка она сильно не любила мою маму. И постоянно говорила о ней гадости деду с бабкой. Внешне же всё было благопристойно, — Хань Чуньюань усмехнулся. — Она всегда радовалась мне и обнимала, но я прекрасно помню, что когда мне было года четыре, она очень сильно ущипнула меня за руку и назвала маленьким ублюдком, — эта история была правдой, но с толикой лжи. Да, тётка откровенно ненавидела его и Цзянь Мо, но вот щипков и таких слов не было. Ну или он совершенно не помнит этого из-за возраста.

— А Хань Синьяо всегда прибегал ко мне и хвастался каждым твоим подарком. Когда я был маленьким, то я так и не знал точно, чей ты отец — мой или его. И каждый раз, когда ты собирался куда-то пойти со мной — в парк или кино, Хан Синьяо внезапно заболел. Да, я никогда не любил кузена, но я слушался тебя и не обижался на него. И действительно не ожидал, что он настолько враждебен ко мне, — вздохнул Хань Чуньюань.

Хань Шэнь лишь беззвучно шевелил губами, не зная, что сказать.

— Папа, ты знаешь, что мне нравилась Ли Сяосяо, правда? Я много чего ей дарил, писал любовные записки, и она всё это принимала. Думал, она приняла моё признание. Считал её своей девушкой. Планировал поступить в престижный университет вместе с ней и быть всегда рядом в будущем. Но на самом деле ей всегда нравился Хань Синьяо. Ей всегда нравился кузен, но мне она об этом почему-то не сказала. Признаюсь, отец, я был очень популярен в школе. И нет было никаких проблем получить отказ от девушки.

Хань Чуньюань уселся на край пустой больничной койки и продолжил:

— Она мне нравилась всё больше и больше. Но она уже давно всем рассказывала, что ей нравится Хань Синьмяо. Если бы я случайно не узнал об этом, то, возможно, и женился на ней... Представляешь, какой сюрприз меня ждал?

— Ты и этот Мэн Энь вместе из-за Ли Сяосяо? — вырвалось у отца. Он никогда не мог понять, почему сын, которому явно сильно нравилась Ли Сяосяо, вдруг резко изменился и стал предпочитать мужчин. Значит, вот в чём дело!

— Нет, — усмехнулся сын. — Но Ли Сяосяо... Знаешь, что кузен даже уговаривал эту девушку оставаться со мной?

— Чего он этим добивался? — не понял Хань Шэнь.

— Кто ж знает точно? Как вариант, доступ к моим финансам, коммерческие тайны. Влюблённость моей жены можно использовать по-разному. А если ещё зачать ей ребёнка, то можно в наследство получить «Хуаюань», например. Но чего кузен не ожидал, что мы с мамой разорвём отношения с семьёй Хань. Поэтому и пошли в ход другие инструменты воздействия. Если меня не станет, то можно наложить лапки на мои ресурсы. Что они с дедом и попытались сделать, — глаза Хань Чунъюаня сверкнули ненавистью.

Именно из-за этого взгляда Хань Шэнь полностью поверил своему ребёнку.

Хань Чунъюань тяжело глянул на отца исподлобья:

— Вот в такой атмосфере я вырос. Я никогда не делал ему ничего плохого — относился с симпатией и жалостью, но он хочет отнять у меня всё — моего друга, моего отца, мой бизнес!

Хань Шэнь потерялся в мыслях и не знал, что сказать.

— Кузен всегда был против меня. Его злит, что я добился успехов. Я основал «Юаньмэн», он тут же подделал мою продукцию, подставляя меня, — Хань Чунъюань вздохнул и решил на этом закончить. — Отец, если ты всё сказал и услышал, что хотел, то можешь идти.

Когда отец скованно попрощался и ушёл, выражение горечи и ненависти пропало с лица Хань Чунъюаня. Он всё это сказал Хань Шэню не для того, чтобы вызвать сочувствие или жалость. Он хотел, чтобы отцу было морально тяжело в дальнейшем помогать кузену.

Сейчас, по совокупности всех обвинений и собранных материалов, Хань Синьмяо грозило заключение не менее, чем на двадцать лет. И помогать вывернуться ему не надо.

Дед Хань Гуантао стар, и теперь единственный, кто что-то решает в семье, это отец Хань Шэнь. А если кузен засядет так надолго, то отец станет и наследником корпорации. Кажется, деду это очень не понравится.

Ну ок, с отцом понятно. А что с Ли Сяосяо?

В прошлой жизни именно Ли Сяосяо убила Мэн Эня. Сейчас её трогать не за что, но настроить против неё отца — это хорошая мысль. Семейное положение семьи Ли даже близко не стояло с семьёй Хань. И часто семья Ли приходила к семье Хань за помощью и поддержкой. И их главным представителем всегда была нежная и ласковая Ли Сяосяо.

Если Хань Шэнь оттолкнёт эту стерву, то жизнь семьи Ли резко усложнится. И все её надежды на скачок статуса семьи со свадьбой полетят в топку.

Хань Чуньюань предпринял ещё несколько шагов, чтобы вырвать зубы этой змее, но о них лучше никому не знать. Даже Мэн Эню! А то ещё поймёт, насколько его Чуньюань паршивый человек.

Посидев в тишине пустой палаты пару минут, Хань Чуньюань вернулся к Мэн Эню. А там уже и мама приехала. За ней следом помощник тащил сумки с едой.

Для приготовления еды Цзянь Мо наняла повара из крупного ресторана, используя только лучшие продукты. Все блюда были максимально питательны, и теперь их выставили рядами около койки Мэн Эня.

Всё выглядело так изысканно, но жаль, что им попался Мэн Энь, который совершенно не мог оценить высокое искусство повара. Он смешивал суп с рисовой кашей, сверху добавлял разваренных овощей и всё это ел ложкой.

На самом деле это было вынужденно — пока он в больнице и должен есть лёжа, это единственный удобный способ питаться. Хотя иногда супом обливался.

— Сегодня еда просто восхитительная, — Энь съел ложку риса, зачерпнул из плошки ещё и протянул Хань Чуньюаню. — Попробуй!

Старший улыбнулся и помотал головой, отказываясь. Потом выхватил плошку из рук Мэн Эня, и сам стал его кормить. Когда уже осталась последняя ложка и Энь смог проглотить только половину, Хань Чуньюань доел остатки.

Он уже заметил, что иногда может съесть часть порции, если её сначала ел Мэн Энь. Эдакий косвенный поцелуй.

Цзянь Мо, разведённая и снова одинокая женщина, не могла уже наблюдать за этой парочкой. Некрасиво так вести себя перед дамой, которая одна уже сто тысяч лет. Отвратительно!

А сытый Энь стал задрёмывать. Хань Чуньюань тут же устроился с ним рядом, накинув на них обоих одеяло. А потом глянул на Цзянь Мо:

— Ма, мы собираемся вздремнуть.

Мама лишь закатила глаза и покинула палату, отправившись по своим делам.

А Хань Чунъюань обнял своего сонного мальчишку, осторожно поцеловал и понял, что Энь уже давно спит.

Сам Чунъюань спать пока не хотел, поэтому включил телефон, чтобы проверить почту и SMS. Затем открыл Weibo.

Новость о том, что с ним всё в порядке, уже распространилась. Изначально он использовал свой экаунт только для пиара, но сейчас ему захотелось высказаться.

Просто... Как бы не выглядеть глупо. Хань Чунъюань задумался, а потом быстро набрал:

«Всё в порядке. Надеюсь, теперь моя жизнь будет в безопасности».

И он так же искренне надеялся, что Мэн Энь тоже сможет жить в безопасности.

В этот раз он был виноват во всех проблемах Мэн Эня, поэтому теперь он ни за что не отпустит руку Мэн Эня.

Хань Чунъюань неожиданно понял, что сказанной фразы ему мало. Чувства, что бушевали внутри, требовали ещё какого-то выхода. Он снова открыл Weibo и создал новый анонимный экаунт, назвав его «Рождён для тебя!»

Одновременно с этим он нежно взял кисть спящего Мэн Эня и сфотографировал их переплетённые пальцы на телефон. Убедившись, что на снимке нет ничего, что могло бы раскрыть его личность, он опубликовал фото с подписью:

«Я так счастлив, что тебя не потерял!»

После публикации, Хань Чунъюань подумал, что поведение его немного глупое. Он несколько мгновений смотрел на новый экаунт в Weibo с фото их рук, потом разлогинился и решил пока не думать об этом.

Через месяц Мэн Энь вернулся в университет, а ещё спустя два месяца состоялся суд на Хань Синьяо.

Хань Чунъюань был уверен, что что бы ни случилось с кузенком, папаша будет спешить ему на помощь, готовый к затяжной борьбе. Однако, вопреки ожиданиям, Хань Шэнь вообще не занимался защитой Хань Синьмяо.

Кузен был осуждён за ряд преступлений и получил пожизненное заключение. В будущем, лет через 10-15, при условии хорошего поведения, он мог бы претендовать на условно-досрочное освобождение. Но всё равно, тюрьма на столько лет для болезненного Хань Синьмяо было катастрофой — он её точно не переживёт.

А Хань Чунъюань считал, что всё справедливо. Даже простая смерть для Хань Синьмяо была бы лёгким выходом. Такая жизнь в камере будет для него хуже смерти. Размышляя об этом, Хань Чунъюань искренне улыбнулся. Теперь можно было спокойно подумать о своём будущем.

В то же время в семья Хань разгорелась ожесточённая ссора. Причина простая — Хань Шэнь не побежал по приказу Хань Гуантао вытаскивать племянника из тюрьмы.

— Он никого не убивал! Мой внук никого не убивал! В этих смертях виноваты те панки! — орал старик из инвалидного кресла, стуча ногами по паркету и брызгая слюной. — Если бы ты пошевелил своей задницей, то срок у моего малыша был бы условный, и лет на десять!

Старик пучил глаза, весь красный от гнева. С тех пор, как внука арестовали, Хань Гуантао заболел и даже уже сам ходить не мог. Его состояние всё ухудшалось. Даже было несколько критических дней, когда его увозили в больницу.

И теперь уставший старик обмяк в коляске и прошептал, глотая слёзы:

— Пожалуйста, Хань Шэнь, найди способ смягчить наказание Синьмяо...

Сын кивал, не желая спорить со стариком, но делать ничего не собирался.

— Дедушка Хань, дедушка... — рядом с инвалидной коляской сидела перепуганная Ли Сяосяо и утешала старика.

Хань Шэнь покосился на девушку, а потом выдавил несколько слов для Хань Гуантао:

— Отец, ты болеешь, тебе не стоит так волноваться.

— Если я не буду волноваться, то кто будет? Если всё так и оставить, мой внук умрёт! Хань Шэнь, ублюдок, ты специально хочешь убить Синьмяо, чтобы захватит власть в семье?! — снова завопил старик. Он уже был так измучен, что не следил за словами и нёс всё, что лезло в голову.

Хань Шэнь даже усмехнулся. Он столько лет управлял корпорацией, гробя себя. Пахал как каторжник, а теперь вот такие обвинения...

Ли Сяосяо опустила голову, чтобы скрыть гнев. Она была уверена, что Хань Шэнь так и задумал. Он специально решил убить Хань Синьмяо.

«Отец с сыном объединились! Это уже слишком! Они хотят, чтобы Хань Синьмяо провёл всю свою молодость в тюрьме?»

Хань Гуантао продолжил ругаться, но сын оставался спокоен и стоял молча. Наконец, когда старик выдохся, мужчина сказал:

— Хань Чуньюань — мой сын. Почему я должен помогать подонку, который хотел убить моего сына?

И поток ругани начался заново. Хань Шэнь долго слушал бред старого отца, потом посмотрел на сидящую рядом с ним Ли Сяосяо. Слова сына об этой девушке, сказанные пару месяце назад, до сих пор звучали в его ушах.

Когда сын расстался с этой девочкой, она как-то слишком быстро переметнулась к Хань Синьмяо, и теперь изо всех сил мечтает спасти его из тюрьмы.

Жаль, что он раньше этого не заметил, но последнее время он «протрезвел» и стал замечать многое, что прежде называл чушью. Насколько он раньше доверял Хань Синьмяо, настолько же не доверяет сейчас.

И эта девочка всё время была с ним рядом. Хань Шэнь прищурился и мрачно выдавил, глядя на сердитую девушку:

— Ли Сяосяо, ты не часть семьи Хань, поэтому больше не появляйся здесь без специального приглашения. А на сегодня мы больше не принимаем гостей!

Ли Сяосяо не ожидала, что её вот так просто выгонят. Она в шоке замерла, хлопая ресницами. Но мужчина больше не обращал на неё внимания, а подошёл к старику Гуантао:

— Отец, ты достаточно накричался, поэтому тебе пора отдохнуть. Приговор вынесен, и я ничего не могу с этим поделать.

— Ты можешь подать ах-хпелляцию, — захрипел еле слышно уставший старик. Но Хань Шэнь уж подал знак медсестре, и та быстро подошла, подключила кислород и собралась укатить Хань Гуантао в его комнату.

— Думаешь, апелляция спасла бы моего сына, если бы он погиб? — спросил Хань Шэн. — Он спасся по счастливой случайности!

— Да кому нужен этот ублюдок Хань Чунъюань?! Он мужеложец! У него дерьмовое воспитание! Он заслуживает смерти! — снова заорал старик. — Если ты не спасёшь Хань Синьмяо, то наша семья Хань вымрет!!

Хань Шэн промолчал, равнодушно смотря на сумасшедшего старика. Потом развернулся и ушёл.

Через несколько дней старик Хань Гуантао умер.

Хань Чунъюань не испытывал никакой привязанности к деду, но на похороны всё же полетел вместе с мамой. Он мог бы спокойно убить кузена, мог засадить его в тюрьму, но мстить мёртвому старику не собирался. Его уже нет. Хотя отправляться на похороны совсем не хотелось. Но этого бы не поняли знакомые, родтвенники и партнёры по бизнесу.

Сейчас он уже давно не парализованный затворник, значит о мире вокруг забывать не стоит.

Они с мамой и Мэн Энем прилетели в Пекин, остановились на пекинской вилле Цзянь Мо, а потом отправились с матерью на погребальную церемонию.

Хань Чунъюань был готов к скандалам на похоронах. Там среди родни он заметил заплаканную Ли Сяосяо и кузена Шао Хунцзиня. Тот лишь скользнул по Хань Чунъюаню красными глазами и промолчал. Видимо, его хорошенько отдрессировали дома.

Семья Шао была наиболее близка к Хань Синьмяо. И сейчас, из-за всех этих скандалов и арестов, они сидел тише воды ниже травы.

Похороны были пышными, и Хань Чунъюань был там всё время. Но как только закончились последние ритуалы, он быстро собрался, подхватил Мэн Эня и вернулся в Сиань.

Теперь у них с Мэн Энем своя жизнь, и семьи Хань в ней больше не будет.

<http://bllate.org/book/13884/1606443>